

Концептуальное поле долженствования: *долг* и *обязанность*

О. Н. МЕЛЬНИКОВА

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

Слово *долг* относится к концептам, которые занимают одно из центральных мест в русской языковой картине мира, представляя собой ключевые понятия культуры, опорные точки менталитета народа. Предметом рассмотрения в данной работе является языковая интерпретация понятий *долг* и *обязанность*.

За словом *долг* исторически закрепилось два значения, одно из которых раскрывает материально-предметные отношения между людьми ('взятое займы'); другое представлено через значение слова *обязанность*. Анализ внутренней формы соответствующих лексем и особенностей их функционирования в русском языке позволяет говорить о том, что за словами *долг* и *обязанность* стоят разные представления.

Концепт традиционно определяется как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры [1, с. 36]. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология) слова и его история, современные ассоциации, оценки, коннотации.

Во внутренней форме слова *долг* выявляется связь с пространственно-временными представлениями. Праславянское имя **dьlgъ* 'долг' характеризуется как слово с недостаточно ясной этимологией. По мнению большинства этимологов, наиболее вероятной представляется гипотеза о связи указанной лексемы с прилагательным **dьlgъ* 'длинный, долгий' (ЭССЯ 5, с. 180); таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление о сроке. Интонационные различия между обоими славянскими словами (сравн. сербохорв. *duг* 'долг', но *duг* 'долгий, длинный'), приводимые как контраргументы (см.: Фасм. 1, с. 524), объясняются авторами ЭССЯ как показатель словопроизводных отношений на ранней стадии формального тождества имени и древнего прилагательного. А. Брюкнер в качестве семантических параллелей, подтверждающих данное сближение, приводит лит. *ilges* 'дань' (т.е. 'то, что следует воздать; должное') и *ilgas* 'долгий, длинный' (Brückner, с. 90). А.Г. Преображенский также указывает на то, что *долг* и *долгий* 'longus' – одно и то же слово: долг – это то, чего ждут, выдерживают, терпят; сравн.: лат. *indulgeo* 'быть снисходительным' (первоначально: 'быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо') (Преобр. 1, с. 188-189). Показательны в этом отношении др.-русск. *должити* 'продлять, делать долгим' и 'ссужать, кредитовать' (СРЯ XI-XVII вв. 4, с. 302), а также русск. диал. (волог., перм., вят.) *задолжать* 'долго где-либо пробыть, замешкаться, опоздать, не прийти вовремя', 'долго продолжаться, затянуться' и 'брать в долг, быть должным' (СРНГ 10, с. 61), бел. *даўжнік* 'тот, кто взял в долг, должник' и диал. *даўжнік* 'длинное бревно, которое кладут на сохи в хозяйственной постройке' (СБГ 2, с. 28).

В семантике большинства южнославянских и западнославянских соответствий связь с исходным признаком, легшим в основу наименования, утрачена: польск. *dlug* 'долг, обязанность', болг. *дълг* 'обязанность', взятое займы, чеш. *dluh* 'взятое займы', макед. *долг*, словц. *dlh*; болг. *длъжен* 'должный, обязанный', макед. *должен*, сербохорв. *дужан* 'тот, кто дол-

жен', 'причитающийся', словен. *dolžen* 'должный, причитающийся', 'должный, обязательный' и др. (ЭССЯ 5, с. 179, 181). Эта особенность свидетельствует о том, что значение долженствования сформировалось на древнейшем хронологическом срезе развития языка. Вероятно, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяженность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга.

Понятие долга, необходимости обнаруживает ассоциативную связь с понятием времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чьего-либо сознания. При этом «человек относительно свободен в пространстве, но подчинён объективному ходу времени» [2, с. 126]. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях, сравн.: *Не все должно, что можно* (Д. 1, с. 461). Долгу человек *повинуется*, голос долга воспринимается как высшая инстанция, определяющая линию поведения человека. Велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели. По наблюдениям Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, реконструирующим представление о долге на основе употребления соответствующего существительного в русском языке, «долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как обязательства. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Долг просто не может отсутствовать. Можно отрицать наличие конкретной обязанности, но относительно долга можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом» [3, с. 19].

Таким образом, можно говорить о тесной связи модального значения долженствования с темпоральной семантикой. Ассоциативная связь этих значений обусловлена сходством в осмыслении времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Сознание человека архаической культуры стремится иметь целостную картину мира; «как и мораль, эта картина мира имеет не только объясняющий, но и нормативный характер, ибо из наличного положения вещей для человека архаической культуры следует также и то, что должно быть» [2, с. 13]. Представлениям о нравственных нормах, реконструируемым в процессе выявления внутренней формы рассмотренных слов, как нельзя лучше соответствует замечание И. Канта: «Две вещи наполняют душу всё новым и нарастающим удивлением и благоговением, тем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, – звёздное небо надо мной и моральный закон во мне».

Эти особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая свойственна некоторым темпоральным лексемам и чаще реализуется в сочетании с инфинитивом, сравн. *время идти, не время сидеть сложа руки*. В некоторых других славянских языках русскому *время* соответствует лексема *час*, которая в сочетании с инфинитивом также реализует значение с модальным оттенком долженствования 'наступила пора, подходящий момент', сравн.: бел. *час класціся спаць*, польск. *czas iść do domu*, чеш. *čas jít spat* и др. Семантика слова *пора* также отражает связь модального значения долженствования с представлениями о времени, сравн.: русск. *пора* 'время, благоприятное время, срок' и 'пришло время, настал срок, по времени или по обстоятельствам': *пора задуматься*.

Внутренняя форма слова *обязанность* отражает иные представления. Языковой материал свидетельствует о связи значения долженствования, необходимости, выражаемого данной лексемой, с комплексом представлений о стеснении, ограничении свободы действия.

Так, глагол *обязать*, отражающий семантику долженствования ('вменить кому-либо в обязанность, предписать, сделать обязательным исполнение чего-либо' (СРЯ 2, 796)), по происхождению обнаруживает связь с глаголом *вязать* (Преобр. 1, с. 634; Фасм. 3, с. 112), сравн. др.-русс. *обязати* 'привязать', 'обвить', 'сделать перевязку' (Срезн. 2, с. 591), русск. диал. (волог., яросл., вят.) *обязать, обязывать* 'заставлять или нудить, принуждать, приневоливать, налагать долг, бремя, службу, работу, образ действий': *Служба обязывает, связывает, неволит*; церковн. *обязало* 'повязка, перевязка', стар. *обязь* 'перевязь через плечо для

оружия' (Д. 2, с. 640), укр. *об'язати* 'обязать' (Гринч. 3, с. 33). Зафиксированы также лексемы с этимологически не затемнённой корневой морфемой: русск. диал. *обвязать* 'завязать' и 'обязать', *обвязаться* 'дать обязательство', 'обзавестись чем-либо', 'быть стеснённым какими-либо обязанностями': *Я с детьми обвязалась; когда же мне?; обязанность* 'обязанность', *обязательно* 'обязательно' (СРНГ 22, с. 12-13), бел. *абавязаць* 'потребовать от кого-либо что-либо исполнить; возложить на кого-либо какие-либо обязанности' (ТСБМ 1, с. 30), польск. *zobowiązać* 'обязать' (РПС, с. 704). Очевидно, что в структуре значения данных слов важную роль играет приставка, реализующая сему полноты охвата, а именно 'направленность действия по окружности, вокруг предмета, распределение действия на всю поверхность предмета, на все его стороны' (сравн.: *обвить, обгородить, облепить* и др.) (СРЯ 2, с. 708-709), т.е. значение приставки отчасти дублирует и таким образом усиливает исходную семантику рассматриваемых лексем.

Производящее *вязать* восходит к и.-е. **angh-* 'суживать, стягивать'; к этому же корню относятся др.-инд. *ámhas* 'стеснение, нужда', лат. *ango* 'суживаю, стягиваю, давлю', греч. *αἴχω* 'завязываю' (Преобр. 1, с. 110-111; Фасм. 1, с. 374); таким образом, семантика, отражающая физическое стеснение, ограничение свободы движения, является исторически первичной.

На базе прямого значения 'связывать кого-либо; связывать кому-либо руки, ноги, лишая свободы движений' глагол *вязать* развивает переносную семантику 'стеснять, лишая самостоятельности' (СРЯ 1, с. 390). В семантической структуре ряда производных с первоначальной семой 'вязать' также отчётливо наблюдается вторичная сема 'лишить возможности действовать свободно': русск. *навязать* 'заставить, принудить принять что-либо против желания, против воли' (СРЯ 2, с. 336), *привязать* 'заставить, вынудить постоянно быть, находиться где-либо', 'внушить привязанности, заставить привязаться' (СРЯ 3, с. 399), *связать* 'лишить возможности действовать свободно, стеснив какими-либо условиями, обязательствами' (СРЯ 4, с. 57); сравн. также русск. стар. *связь* 'обязательство, долг', *связа* 'преграда, помеха', 'духовное запрещение' (Д. 4, с. 160).

Вероятно, не только влиянием первичного значения 'связать, вследствие чего ограничить движения', но и возникшего на его основе переносного 'лишить возможности действовать свободно' обусловлено развитие модального значения 'заставить в обязательном порядке сделать что-либо, вменить в обязанность'.

Значение слова *обязанность* обычно трактуется как 'то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-либо согласно общественным требованиям или внутреннему побуждению; долг' (СРЯ 2, с. 795-796). Однако, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность*, как кажется, могут служить свидетельством различий стоящих за ними представлений, реконструируемых в процессе выявления внутренней формы данных лексем. Прежде всего, отметим, что «*обязанность* – нечто условное, определяемое социальными конвенциями, связанное с местом в социальной структуре», в то время как «*долг* выражает безусловное долженствование, не предполагая посторонней утилитарной цели» [3, с. 17-19]. Человек становится носителем обязанности в результате специального акта *возложения* на него этой обязанности или *принятия* им этой обязанности, причём на человека могут возлагаться различные обязанности (слово *обязанность* свободно употребляется в форме множественного числа). Исполнение обязанностей *поручают* кому-либо, обязанности могут *распределяться* между разными людьми. При этом, если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это часто означает 'неохотно': *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению (Пушкин)*. Сравн.: *Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо (Белинский)*. Семантический оттенок нежелательности, который сопровождает употребление рассматриваемых лексем, связан с наличием компонента 'ограничение свободы выбора', свойственного исходному значению. По всей видимости, значение 'стеснять, быть помехой, ограничивая свободу движения', свойственное семантической структуре данных слов, определило метафорическое развитие модальной семантики необходимости/долженствования, часто сопровождающейся отрицательными коннотациями.

Таким образом, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность* свидетельствуют о различии стоящих за данными лексемами представлений, которые реконструируются в процессе выявления их внутренней формы.

Концепт *долг* относится к области абстракции, стоит в одном ряду с нравственными концептами *совесть*, *честь*, *достоинство*. Долг понимается как совокупность принципов, предписывающих человеку действовать в соответствии с его внутренними установками, общественными, профессиональными, морально-этическими и национальными нормами. Долг – это не свод правил поведения, с которым может ознакомиться любой человек; это сугубо индивидуальное понимание, продиктованное самосознанием личности, его внутренним «Я», сложившееся в результате взаимоотношений с людьми, окружающей действительностью.

Под обязанностью же понимается круг действий, которые необходимо выполнять (*служебные обязанности*, *общественные обязанности* и т.п.); т.е. обязанность предполагает выполнение конкретных действий, которые обусловлены, как правило, родом занятий человека.

Исходные представления, лежащие в основе первичных значений рассмотренных слов, особенности их внутренней формы обуславливают коннотативные особенности вторичной модальной семантики данных лексем, их сочетаемостные возможности. Представление о долге как о моральной норме, существующей изначально, независимо от воли его носителя или посторонних лиц, способствует развитию модального значения долженствования на основе понятия времени. Долженствование, необходимость может восприниматься как нечто условное, как обстоятельство, которое стесняет, вынуждая поступать тем или иным образом; подобные ассоциации лежат в основе семантического перехода 'стеснение, ограничение свободы действия' → 'необходимость'.

Как отмечают многие исследователи (Н. И. Толстой, А. Д. Шмелев и др.), для русской языковой картины мира характерно противопоставление «возвышенного» и «приземленного» одновременно с отчетливым предпочтением первого. Данная оппозиция не является специфичной именно для русского языкового сознания и характерна для христианской культуры в целом [4]. Целый ряд важных понятий существует в русском языке в таких двух ипостасях, которые иногда называются даже разными словами – сравн. следующие пары слов, противопоставленные, в частности, по признаку «высокий» – «низкий»: *истина* и *правда*, *благо* и *добро*, *радость* и *удовольствие*. Ярким примером такого рода оппозиции может служить пара *долг* – *обязанность*.

Abstract. The paper presents the analysis of the concept "duty" in the Russian language. Inner forms of key lexemes expressing the concept and the peculiarities of their functioning in the Russian language are considered.

Литература

- 1 Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
- 2 Попович, М. В. Мировоззрение древних славян [Текст] / М. В. Попович. – Киев: Наукова думка, 1985. – 167 с.
- 3 Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Концепт долга в поле долженствования [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 14-21.
- 4 Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре [Текст] / Ю. М. Лотман. – С.-Пб: Искусство, 1994.

Перечень условных обозначений

Гринч. – Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1958-1959. – Т. I-IV; **Д.** – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III; **Преобр.** – Преобра-

женский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I-II; **СБГ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979-1986. – Т. 1-5; **Срезн.** – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I-III; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – М.-Л.: Наука, 1965-1966. – Вып. 1-2; Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1968-1994. – Вып. 3-28; **СРЯ** – Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 3^е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988. – Т. I-IV; **СРЯ XI-XVII вв.** – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1975-1992. – Вып. 1-18; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Ин-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск: Гал. рэд. БелСЭ, 1977-1984. – Т. 1-5; **Фасм.** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер с нем и доп. О.Н.Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б.А.Ларина.– 2^е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IV; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974-1999. – Вып. 1-26; **Brückner** – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 19.03.07

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ